

Д.А. Золотарев

Кольские лопари

**Материалы комиссии
экспедиционных исследований.
Выпуск 9**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.А. Золотарев**
Кольские лопари: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вы-
пуск 9 / Д.А. Золотарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-458-09575-4

Труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по ан-
тропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова.

ISBN 978-5-458-09575-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лопари, относящиеся к финской семье, сохранившиеся на Кольском полуострове, в Норвегии, Швеции и Финляндии и привлекавшие к себе внимание с давних пор, в последнее время вызвали у исследователей особый интерес как в СССР, так и за границей. Культурно-бытовые особенности лопарей, их физические свойства, сильно отличающие лопарей от ближайших соседей, состояние их здоровья и хозяйства, а также пути дальнейшего их развития должны были вызвать потребность более полно и всесторонне осветить своеобразный облик лопарей, до сих пор недостаточно изученных как на Западе, так и в СССР. Среди большого количества исследований о лопарях, антропологические работы занимали скромное место, и до сих пор еще нет монографии, дающей антропологическую характеристику лопарей на основании достаточно полного материала.

Большинство выдающихся ученых и путешественников, имевших представление о лопарях, не могли не отметить их антропологических особенностей. Шеффер, Линней, Блуменбах, Ретциус, Вирхов и многие другие высказывали свои суждения о природе лопарей, не обладая достаточно полными материалами. Хотя низкорослость, короткоголовость, цвет и форма волос довольно верно отмечаются в имеющихся общий характер кратких описаниях большинства авторов, писавших о лопарях, лишь позднейшие работы дали более полные материалы. Работы Ретциуса, Дюбена, Р. Бонапарта, Гелланда, Мантегацца и Соммье, Росберга, Вестерлунда, Викалунда, Итконена, Лассила, Каява и др. значительно дополнили наши знания о лопарях. К сожалению, наиболее полный материал проф. Лундборга о 463 лопарях Швеции пока еще не опубликован. Что касается русских работ, то, хотя нередко наши представления о лопарях слагались на основании описаний западных лопарей,

начало изучению лопарей в антропологическом отношении было положено давно. Еще на заре русской антропологической работы, когда и на Западе не было удовлетворительных материалов, А. И. Кельсиев, по поручению Комитета по устройству Антропологической Выставки в Москве, предпринял исследование лопарей Кольского полуострова. С тех пор прошло 50 лет, изменились методы собирания и обработки антропологических материалов, сильно увеличился запас наших знаний, но данные Кельсиева о русских лопарях остались до последнего времени основными, особенно в иностранных работах. Ввиду особого значения работы Кельсиева, остановимся на ней подробнее.

Летом 1877 г. Кельсиев на поморской шняке прибыл в Сосновский лопарский погост на Терском берегу. Оттуда он объехал все Мурманское побережье до границы, побывал у нотозерских лопарей и выехал в Финляндию. Принадлежа к славной плеяде учеников А. П. Богданова, основоположника московской антропологической школы, Кельсиев, подобно ряду других лиц, впервые командированных на полевые антропологические работы, с энтузиазмом отдался трудному делу изучения окраинных народностей, живущих полукочевым бытом. В письмах проф. Богданову Кельсиев сообщает не мало интересных данных. „Трудно находить лопарей. Они живут в одиночку по берегам и ловят рыбу. Восточные так похожи наружностью и бытом на русских, что приходится раза по два расспрашивать, кто лопарь, а кто нет“. (22 июля 1877 г.) „Лопари все живут в одиночку, верст через 5—10 по одной семье. Извольте делать заключения о типе и выбирать характерные физиономии... Готов держать пари, что здешних лопарей“, пишет он А. П. Богданову из Колы 24 июля, — „вы не отличили бы от русских бедных мужиков, ни даже с помощью самых точных инструментов“. Дневник Кельсиева¹ в письмах к Богданову, его отчеты и доклады Комитету представляют для нас большой исторический интерес, перенося в обстановку того времени, знакомя с приемами работы, условиями путешествия и собирания материала, а вместе с тем давая возможность оценить значение выполненной работы и объективный смысл полученных результатов. Два месяца работы среди русских

¹ А. И. Кельсиев. Поездка к лопарям. Из протоколов заседаний Комитета по устройству Антропологической Выставки. М. 1878, отд. оттиск, стр. I.

лопарей дали очень большой опыт, отраженный в дневнике и отчетах Кельсиева. „Вся моя поездка есть ряд непрерывных трудностей и огорчений... Стараясь по возможности добросовестно исполнить принятое поручение, доставить монографию о русских лопарях, я достиг цели и посетил все погосты и пересмотрел все племя. Из Колы, после мало успешных экспедиций внутрь страны, я продолжал двигаться по единственному существующему в стране пути, вдоль берега Ледовитого моря... Из недели средним числом пять дней шли на бесполезное лежание в лодке и два дня на антропологические занятия; от этого постоянное раздражение и досада на свое бессилие, на физическую невозможность работать так, как хочется“. При этом бытовые условия поездки, несмотря на то, что Кельсиев путешествовал с лакеем, были очень тяжелы. „Я не каждый день умывался, ночи спал не раздеваясь, редко на земле, чаще в лодке; землянки дымны, вонючи и кишат паразитами. Три месяца со дня разлуки с Н. К. Зенгером (собиравшим археологический материал на восточном побережье Белого моря, Д. З.) я обедал, т. е. ел суп и жаркое, не более двух-трех раз. Народ питается одной треской, свежей или соленой, вареной в медном нелуженом котле. Мука, за которую в Москве купца посадили бы в тюрьму, идет сюда и раскупается втридорога. С примесью вшей, пота и грязи рук и толченой сосновой коры, из нее пекут лепешки, пригоревшие снаружи и внутри сырые: это называется хлебом“. Но самым тяжелым испытанием для Кельсиева был путь по Финляндии, пешком по тропам, в брод, по камням и трясинам, с вещами и при незнании финского языка. „Вы поверите“, — пишет он проф. Богданову, „что у меня из глаз потекли обильные слезы, когда утром 15 сентября передо мной развернулась панорама Торнео с полосой Ботнического залива на горизонте“. Тяжелые условия работы и путешествия усугублялись отсутствием практического опыта исследовательской работы, что вылилось в большом перечне вопросов и замечаний по поводу недостатков инструкций и инструментов. „При всей моей беспредельной привязанности и уважении к Вам, я имел причину не раз посылать упрек и в Ваш кабинет. Вы разослали нас на наш собственный страх, без всякой сколько-нибудь практической подготовки. Впрочем, это кажется первый опыт специально антропологических экспедиций, и прак-

тики образуются в работе, как плавать выучиваешься в воде. Но этот первый шаг в даль пришелся мне очень солон, и не знаю, придет ли время, когда я согласился бы, вооруженный опытностью, продолжать идти тою же дорогой еще дальше“... „Таблица Брока требует основательной переработки. Она составлена для удобства вычисляющих, а не меряющих... Схема колеров Брока решительно не годится. Тоны совпадают с натурою только в самых редких случаях. В большинстве случаев я был в полном недоумении, как поступать“... „Я до сих пор не знаю, где искать на голове наибольшего темянного диаметра, быть может, у лопаря его нет. Где помещаются подносовые точки, на коже или на кости?“ и т. д. „С этими инструментами я не поеду в другую экспедицию. Снарядами ящика меряется хорошо только голова и оконечности. Поперечные диаметры туловища все записаны мною наудачу“ и т. д.

Несмотря на все это, Кельсиев выполнил очень ценную работу, собрав большой материал по этнографии и археологии в виде коллекций, записей и рисунков, произвел „35 тщательных полных измерений над самыми типичными чистокровными субъектами“ (Д. З.), снял 12 масок, из которых половина „превратилась в порошок“, не доехав до Москвы, сделал около 20 портретов в фас и профиль и выполнил целый ряд дополнительных работ в Лапландии и в Финляндии. Очевидно, помня курьезные замечания автора переведенной на русский язык книги, „Новые и достоверные известия о Лапландии и Финмархии, о их языке, обрядах, нравах и прежде бывшем языческом их законе. Перев. с датского М. 1792“, Кельсиев очень далеко шел в своих наблюдениях. В докладе Комитету по антропологическим результатам он пишет 4 ноября 1877 г., между прочим: „Вследствие имевшихся показаний о разнообразии в физиологической структуре русских лопарей разных погостов была объезжена мною вся Лапландия от востока до запада, осмотрено все племя и сделаны тщательные наблюдения. Изучено племя с точки зрения сходства его обычаев с иудейскими и сближения его по покрою костюма с изображением древних скифов; обращено внимание на присутствие монголоидности в типе лица и т. д.“ Только ознакомившись подробно с отчетом А. И. Кельсиева и зная условия работы и передвижения на Кольском полуострове, можно понять, как много сделал он во время командировки, хотя измерил в 11 селениях всего

35 человек, из них 32 лопарей (28 муж. и 4 женщ.) С результатами исследований, изложенных с приведением всего цифрового материала ¹, мы познакомимся в дальнейшем, сопоставляя их с нашими материалами.

Второе исследование о лопарях принадлежит Н. Н. Харузину и имеет совершенно иной характер. Наш выдающийся этнограф, к сожалению, безвременно скончавшийся, в работе: „К вопросу о двух типах лопарей“², так же, как в монографии „Русские лопари“, не дал новых цифровых материалов, а лишь сопоставил имевшиеся данные о русских и скандинавских лопарях с полученными им лично впечатлениями. Продолжателем работы Кельсиева через 30 лет явился доктор И. Н. Шмаков, местный уроженец с. Поноя, бывший в 1895—96 г. Кольским уездным врачом. Разъезжая по Кольскому полуострову, Шмаков с 1895 по 1901 г.г. производил измерения „при всякой возможности,— будь то почтовая станция, тупа или вежа лопаря, или его промысловая избушка. Условия работы и обстановка для измерений оставляли желать много“,—говорит Шмаков в своей диссертации. „Приходилось невольно приспособляться к обстановке, упрощать приемы, останавливаться на главнейших измерениях, опуская иногда не столь важные, вследствие чего некоторые из измерений страдают неполнотой...“ Пользуясь программой проф. А. И. Таренецкого и программу Общ. Любителей Ест., А. и Э., приходилось нередко отступать от них, применяя „способы, быть может, не столь точные, но легче выполнимые, приравливаясь к окружающей обстановке. Так, напр., по неимению станка для измерений роста, приходилось пользоваться отвесной гладкой стеной или столбом в веже, к которым прикреплялась лента с метрическими делениями“... „Из инструментов при измерениях в моем распоряжении были следующие: стальная тесьма, несколько пар холщевых тесем, толстотный циркуль, очень схожий с тазомером, скользящий циркуль Вирхова. Большой скользящий циркуль был деревянный, на его длинный брусок наклеивалась тесьма для отсчитывания расстояний, и показания были точны. Не скрою, что на первых порах у меня возникало много сомнений, встречались затруднения.

¹ А. И. Кельсиев. Антропологический очерк лопарей. Антропол. Выст. IV, ч. I, Тр. МОЛЕАЭ т. X-IX, в. I. М. 1886.

² Харузин. К вопросу о двух типах лопарей. „Дневник Антр. Отд.“, вып. IV. Изв. МОЛЕАЭ т. XVIII. р. А. О. т. XII. М. 1890.

нередко приходилось делать дополнительные измерения, когда через руки прошло немало число измеренных особей“. Таково было, по словам Шмакова, его инструментальное оборудование совершенно недостаточное для исследовательской работы. Таковы были сомнения и недоумения, напоминающие А. И. Кельсиева. Мало того, и выбор материала И. Н. Шмаков производил подобно Кельсиеву. „Для измерений я старался брать таких субъектов, которые могли служить наиболее типическими представителями лопарей: для этой цели измерению мною подвергались лопари внутренней части Лапландии и лопари Понойской волости, каковые, как более изолированные, реже соприкасались с русским населением, а потому могли наиболее сохранить свой тип, свои отличительные особенности. Допустить для них метисацию едва ли возможно. Сомнительных лопарей схожих с местным русским населением (таковых не мало), я избегал измерять“, пишет Шмаков. Всего измерено 65 мужчин лопарей от 15 до 83 лет. Материал обработан и изложен Шмаковым в двух работах: „Русские лопари с врачебно-санитарной точки зрения и медицинская помощь в Лапландии“ (1908) и „Материалы для антропологии русских лопарей (с таблицей измерений)“. Ежег. Р. Антрополог. Общ., т. III (1909). Работа д-ра Шмакова представляет большой интерес, несмотря на указанные им самим недостатки. К сожалению, хотя Шмаков и Кельсиев одинаково стремились подобрать типичных лопарей для измерений, их данные о лопарях сильно различаются, напр. головной указатель мужчин Кельсиева равняется 84,1, а лопарей Шмакова—80,62. Несомненно, в данном случае сказалось не столько различие лопарей вообще, сколько субъективность в выборе измеряемых при небольшом общем числе исследованных субъектов, или различие приемов измерения.

Не говоря о работах Д. Н. Анучина, д-ра Елисеева и других русских и иностранных ученых, приводивших отдельные цифровые данные, относящиеся к русским лопарям, упомянем, что в 1900-х годах С. А. Сергелем были произведены измерения фильманов в пограничной части Норвегии, но материал остался не опубликованным. Из работ последнего времени, результат которых нам известен, благодаря любезности автора, и отчасти по небольшой статье „Лопари, зыряне и самоеды села Ловозера в санитарном отношении“, укажем на исследование врача г. Мурманска Н. В. Халапсина, измери-

вшего в Ловозере 50 лопарей, из них 16 взрослых мужчин и 11 женщин. Работа Халапсина, представляющая большой интерес в медико-санитарном отношении, для антрополога дает сравнительно мало не столько потому, что мал материал, сколько потому, что доктор не имел в своем распоряжении необходимых инструментов. „Инструментарий для антропометрических измерений, бывший в моем распоряжении, был очень скромн и состоял только из обыкновенного тазомера и сантиметровой ленты“¹. Записи производились в долях сантиметра.

Таковы основные материалы о кольских лопарях, не говоря о русском населении Кольского полуострова, которое никого из антропологов не интересовало.

Отдавая должное упомянутым авторам, выполнившим, при всех трудностях, большой и ценный труд собирания и обработки материалов по антропологии лопарей, нельзя не сказать, подводя общий итог, что вся совокупность данных, обнимающих около 100 взрослых мужчин, измеренных разными лицами, различными упрощенными способами и инструментами, заставляла говорить о необходимости дополнительных исследований. Вот почему, уже давно хотелось нам начать изучение лопарей.

Наше первое знакомство с лопарями относится к лету 1914 года, когда, после антропологических исследований великорусского населения нижнего течения Сев. Двины, мы проехали вдоль Мурманского побережья, побывав в Гаврилове, Печенге и на р. Пазе у с. Бориса и Глеба, на пограничной территории, отданной позднее Финляндии. Не имея возможности отставать от парохода, мы могли лишь фотографировать и наблюдать, не прибегая к инструментам. Разразившаяся через две недели после этого мировая война отвлекла надолго внимание, средства и интересы от Кольского полуострова. Лишь в 1920-х годах, когда стали доходить известия с Мурмана о том, что лопари за время революции и интервенции сильно пострадали и уменьшились в числе, когда общее количество их называли всего около 1000 человек, вновь возник вопрос о необходимости возобновить изучение этого интересного во всех отношениях народа, обделенного вниманием исследователей. Попытка начать работу не сразу могла увенчаться успехом в связи с недостатком средств. С 1923 года мы настойчиво добивались

¹ Н. В. Халапсин. Лопари, зыряне и самоеды с. Ловозера в санитарном отношении. Доклады и сообщения Мурманск. Общ. Краев, вып. I. 1927.

возможности организовать экспедицию к лопарям и предполагали, учитывая опыт прошлого, осуществить работы в зимнее время, когда лопари живут оседло в зимних погостах. Наконец, в 1925 г. Этнографическому Отделу Г. Русского Музея были отпущены Главнаукой 400 рублей на экспедицию к лопарям. Разумеется, нельзя было при этом условии думать о зимней поездке, но осенью нам представилась возможность осуществить кратковременную поездку по р. Туломе в Ристикенть б. Ногозерский погост, оставленный лопарями, переселившимися в другие места, главным образом, на р. Тулому. Как можно было ожидать, несмотря на поиски лопарей, удалось измерить всего лишь около 20 чел. мужчин и женщин. Поездка, давшая немало очень интересных наблюдений и ценный этнографический материал, лишней раз доказала необходимость вести антропологическую работу зимой.

Образование Г. Русским Географическим Обществом Карело-Мурманской Комиссии дало возможность возбудить вопрос о необходимости начать систематическое изучение населения Кольского полуострова и получить, при поддержке президиума Общества, средства от Мурманской ж. д. и из Главнауки. К сожалению, последние суммы запоздали, и мы лишь за 2-3 недели до предполагаемого крайнего срока отъезда на Кольский полуостров получили уверенность, что Экспедиция состоится, почему не могли снарядиться более полно. Не излагая здесь подробно задачи и маршруты Лопарской этнологической экспедиции, что нами сделано в предварительном отчете, изданном Г. Р. Географическим Обществом ¹, скажем, что внимание наше было направлено на восточную часть Кольского полуострова, на материковые лопарские погосты, которые доступны обитаемы лишь в зимнее время. Составляя план экспедиционных исследований и осуществляя его, мы считали необходимым прежде всего провести антропологические работы, которыми около полутора месяца были заняты все участники экспедиции. Д. А. Золотарев, руководитель экспедиции, производил измерения, реакцию изоагглютинации крови и фотографировал, врач Ф. Г. Иванов-Дятлов производил медицинский осмотр, взвешивание, определение силы рук, становой силы, емкости легких, объема груди, обводил контуры кисти и стопы. Этнограф В. В. Чарнолуцкий помогал нам, регистрируя измеряемых, опрашивая их о происхо-

¹ Д. А. Золотарев, Лопарская экспедиция, изд. Г. Р. Географ. Общ. 1927

ждении и семейном положении и записывая антропометрические данные на основании измерений Золотарева. Измерения производились по программе и карточкам Р. Географического Общества и Комиссии Академии Наук по изучению племенного состава населения СССР, составленным на основе международных соглашений. Они же определяли и приемы измерений. К сожалению, при общем сходстве карточек, различная сумма измерительных признаков сказалась на меньшей полноте одних измерений по сравнению с другими. Мало того, мы не имели возможности пользоваться шкалами цветности и определяли на глаз лишь основные оттенки пигментации волос и глаз (светлый, темный и промежуточный). Необходимость закончить измерения в полтора месяца и охватить возможно больше субъектов заставляла иногда, отступая от программы, отказываться брать некоторые размеры, лишь бы успеть измерить большое количество лиц. Нам казалось, что важнее получить данные хотя бы о меньшем количестве признаков, но на основании возможно большего числа измеренных. Никакого подбора, как делали Кельсiev и Шмаков, мы не производили, а старались измерять по возможности всех взрослых, за исключением серьезно больных. Измерения детей и ижещцев, как дополнительные, производились по сокращенной программе. На объем измерений оказывали большое влияние условия работы. В зимнее время в лопарских тесных избах и тупах далеко не везде можно было устроиться удобно: где было очень низко, где был плохой неровный пол, где было очень тесно, душно и жарко и недостаточно светло. Сообразуясь с обстоятельствами, приходилось то уменьшать, то пополнять количество измеряемых признаков. Недостатки антропометра, у которого застревала муфта при подъеме на нижнем стыке, сильно затрудняли работу и вынуждали иногда отказываться от измерения высоты колена, чтобы не задерживать работы постоянным выправлением инструмента. Измерения, несмотря на короткие дни, производились при дневном освещении и лишь в исключительных случаях, при окончании рабочего дня, мы прибегали к керосиновому освещению, что главным образом сказывалось на темпе работы. Измерения при огне оставшихся двух-трех человек занимали всегда вдвое больше времени, чем измерение такого же количества лиц при дневном освещении. Мужчины при исследовании раздевались, женщины оставались в платье.

но снимали обувь, платки, теплые кофты и распускали косы.

Что касается степени точности измерений, то считаем желательным отметить следующее.

Хотя для антропометра всегда выбирались более ровные места пола, что обеспечивало правильность измерений, иногда при измерении высоты асгомюп, локтевого сочленения и среднего пальца, в связи с перестановкой инструмента или поворотом измеряемого, точно так же, как при измерении роста сидя, могла быть допущена некоторая неточность. Думаем, что эта возможная неточность сказалась лишь на индивидуальных размерах небольшого числа лиц и не изменила существенно суммарных данных.

Собранный нами материал, включая сюда данные 1925 г., состоит из измерений лопарей, взрослых мужчин — 158, женщин — 108, детей — 59; великорусов мужчин — 90 и женщин — 54 и ижемцев мужчин — 30. Измерений отдельных лиц из самодов и карелов мы совершенно не приводим, а данные об ижемцах даем лишь в качестве сопоставления грубо устанавливаемых различий по сравнению с лопарями, не считая данных достаточными. Данные о русском населении приводим вместе с данными о лопарях как для того, чтобы нагляднее показать отличия от тех и других, так и для того, чтобы обратить внимание на необходимость изучения кровно связанного с лопарями великорусского населения Кольского полуострова, в целях успеха исследования антропологических особенностей тех и других.

Собранный нами материал мы не считаем вполне достаточным для исчерпывающей характеристики антропологических особенностей лопарей, интересовавших нас прежде всего, но мы решаемся предложить его вниманию читателей, не откладывая до новых сборов материала, тем более, что как в СССР, так и за границей еще нет более полных печатных источников для суждения о лопарях. На свою работу мы смотрим прежде всего как на публикацию материала, дающего возможность судить об основных особенностях лопарей и русских Терского берега и дополняющего выдающиеся работы проф. Росберга, Итконена, Каява, Лундборга о финских и скандинавских лопарях.

Мы имели возможность сравнительно полно обработать материал лишь благодаря денежной поддержке Ленинградского